

Таня Бьерс

ТЕМПЕРАТУРА жизни

Иногда самое важное
измеряется не цифрами...

Таня Бьерс

"Температура жизни"

«Автор»

2026

Бьерс Т.

"Температура жизни" / Т. Бьерс — «Автор», 2026

Она измеряет температуру людям, но давно не чувствует своей. Тридцать шесть и шесть — норма, вписанная в её жизнь вместо эмоций: она не помнит вкуса, не умеет улыбаться и не говорит маме «я тоже». Он — архитектор, который читает трещины в стенах, как чужие шрамы, и рисует то, чего другие не видят. В ночь после аварии он задаёт ей единственный вопрос, которого она не ждала: «Какая у вас температура?» Тридцать семь и два — это чуть выше нормы. Это лихорадка. Это жизнь, которая начинается заново.

© Бьерс Т., 2026

© Автор, 2026

Таня Бьерс

"Температура жизни"

Первая часть. Главы с 1-5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ И ШЕСТЬ

Глава 1

Дина не помнила, когда перестала чувствовать температуру. Не свою, чужую. Она работала в отделении неотложной помощи больницы Святого Михаила уже второй год и привыкла к тому, что тела вокруг неё были либо горячими, либо холодными, либо никакими. Термометр показывал цифры, а она записывала их в карточку. Тридцать шесть и шесть. Норма. Тридцать восемь и два. Жар. Тридцать пять и девять. Холодно. Она не чувствовала разницы между ними, потому что давно перестала чувствовать свою собственную.

Ей было двадцать четыре года. Она училась на третьем курсе медицинского факультета Университета Торонто и подрабатывала медсестрой в отделении, где каждый день видела людей, которые приходили с болью. Она не улыбалась им. Не потому что не хотела, а потому что забыла, как это делается. Мышцы лица помнили только одно выражение: спокойное внимание, за которым ничего не стояло.

Её звали Дина Вессель. Русская фамилия, которую она никогда не пыталась произносить правильно, потому что в Торонто всем было всё равно. Она выросла здесь. В маленькой квартире на Колледж-стрит, с матерью, которая работала в прачечной и говорила по телефону по-русски. Дина понимала русский, но не говорила на нём. Она была канадка с русской фамилией и пустым местом там, где у людей обычно стоит что-то тёплое.

В тот вечер всё шло по плану. Смена начиналась в восемь и заканчивалась в шесть утра. Дина знала каждый шаг своего маршрута: раздевалка, халат, перчатки, тележка с лекарствами, коридор, палаты. Она не считала шаги. Она просто шла.

В двадцать три сорок пять в отделение поступил пациент. Дина услышала шум у входа: голоса, скрип каталки, тихий стон. Она подняла голову от карточки и увидела его.

Его везли по коридору на каталке. Молодой, тёмные волосы, серая куртка с разорванным рукавом. На лбу ссадина, левая рука прижата к груди. Он не кричал. Не стонал. Просто смотрел в потолок, будто считал плитки.

Дина подошла к дежурному врачу.

— Что у нас?

— Автомобильная авария. Лёгкая. Столкновение на пересечении Янг и Колледж. Ушибы, ссадины, возможное сотрясение. Наблюдение до утра.

Дина кивнула и взяла карточку. Тео Линдквист. Двадцать пять лет. Архитектор. Аллергий нет. Она открыла дверь палаты и вошла.

Глава 2

Он лежал на кровати и смотрел в окно. За стеклом горел Торонто: огни, фонари, красные стоп-сигналы машин, которые ползли по Янг-стрит. Он не повернул головы, когда она вошла.

— Добрый вечер, — сказала Дина. — Меня зовут Дина, я медсестра. Мне нужно проверить ваши показатели.

Он повернулся. Его глаза были серые, почти прозрачные, как вода в озере зимой. Она отметила это и тут же забыла. Ей не полагалось запоминать глаза пациентов.

— Здравствуйте, — произнес Тео. Голос был ровный, но в нём чувствовалось что-то, как будто он говорил из комнаты, где было чуть темнее, чем нужно.

Дина достала тонометр.

— Рука, пожалуйста.

Он протянул левую руку. Она заметила, что костяшки сбиты, под кожей проступает синяк. Аккуратно обернула манжету. Его кожа была тёплой. Не горячей, не холодной, а именно тёплой, как будто он только что держал чашку с чем-то горячим.

Она накачала манжету. Он не поморщился.

— Давление сто двадцать на семьдесят пять. Норма, — произнесла Дина.

— Хорошо.

Она достала термометр.

— Температура.

Он открыл рот. Она вставила термометр. Подождала. Писк.

Тридцать семь и два.

Дина нахмурилась. Чуть выше нормы. Она записала цифру в карточку.

— Лёгкий стресс, — отозвалась Дина. — Организм реагирует на аварию. Ничего серьёзного.

Он посмотрел на неё. Не на карточку, не на термометр. На неё.

— А у вас?

Дина замерла.

— Что у меня?

— Температура. Какая у вас?

Вопрос был странным. Пациенты не спрашивали у медсестёр температуру. Это было как если бы кто-то спросил у повара, голоден ли он.

— Тридцать шесть и шесть, — промолвила Дина, потому что это была правда. Она всегда знала свою температуру. Она измеряла её каждое утро.

— Норма, — сказал он. И улыбнулся. Чуть-чуть, только уголками губ.

Дина не улыбнулась в ответ. Она убрала термометр, закрыла карточку и вышла из палаты. В коридоре она остановилась и посмотрела на свою руку. Ту, которой касалась его кожи. Она была тёплой.

Глава 3

Следующий обход был в полночь. Дина прошла по коридору, заглянула в три палаты, проверила показатели, записала цифры. Когда дошла до палаты Тео, остановилась. Дверь была приоткрыта.

Он не спал. Он сидел на кровати, ноги свешены, и рисовал. В руке карандаш, на коленях блокнот. Он рисовал быстро, уверенно, как будто делал это всю жизнь. Линии были точными, без лишних движений.

Дина вошла. Он поднял голову.

— Вы не спите, — проговорила Дина.

— Не хочу. — Снотворное?

— Не положено. Выписать может только врач.

— Тогда я просто посижу.

Дина кивнула и подошла к монитору. Пульс шестьдесят восемь. Давление сто двадцать два на семьдесят восемь. Она записала.

— Что рисуете? — спросила Дина, не оборачиваясь.

— Коридор. — Ваш коридор.

Дина обернулась. На листе был коридор отделения: стены, потолок, светильники. И в конце коридора силуэт. Девушка в белом халате, которая смотрела вверх. Не на монитор, не в карточку. Вверх. На потолок, на свет, на что-то, что видела только она.

— Это я? — спросила Дина.

— Не знаю. — Вы сегодня смотрели вверх?

Дина задумалась. Она не помнила, когда последний раз смотрела вверх. Она всегда смотрела перед собой. На карточки, на мониторы, на руки. Вперёд. Никогда вверх.

— Не помню, — произнесла Дина.

— Тогда, может быть, это не вы. — Но мне хотелось, чтобы это были вы.

Дина не знала, что ответить. Она взяла карточку, записала показания и вышла. Но в дверях остановилась.

— Спокойной ночи, — отозвалась Дина.

— Спокойной ночи, — ответил он. И добавил тихо: — Тридцать семь и два.

Она закрыла дверь. В коридоре было тихо. Мониторы плакали. Где-то далеко зазвонил телефон. Дина стояла у двери и думала о том, что тридцать семь и два не норма. Это чуть выше. Чуть жарче. И ей почему-то не хотелось, чтобы это прошло.

Глава 4

Утром Дина сдала смену и вышла из больницы. Было семь часов, солнце едва поднималось над городом. Торонто был серым и холодным: октябрь, ветер с озера, первые жёлтые листья на газоне у входа. Дина подняла воротник куртки и пошла к метро.

Она не думала о Тео Линдквисте. Она думала о лекции в десять, о том, что нужно купить кофе, о том, что в холодильнике осталась только коробка с творогом. Обычные мысли. Температура тридцать шесть и шесть.

На остановке она достала телефон. Мама звонила дважды за ночь. Дина не ответила. Она перезвонит позже, когда будет силы говорить четырёхминутный разговор, который каждый раз заканчивался одинаково: «Ты ела?», «Да, мам», «Ты тепло одеваешься?», «Да, мам», «Я люблю тебя», «Я знаю». Мама говорила «я люблю тебя», а Дина отвечала «я знаю», потому что «я тоже» застревала где-то между горлом и губами. Не потому что не любила. Потому что это слово было слишком тёплым для её температуры.

В метро было пусто. Она села у окна и смотрела на туннель, который мелькал за стеклом. Чёрные стены, провода, огни. Она достала из кармана халата бумажку, которую забыла выбросить. Это был не рисунок Тео. Это был список лекарств, который она переписала для пациента из третьей палаты. Рисунок Тео остался на его тумбочке. Она не забрала его.

Хотя хотела.

На лекции она сидела в последнем ряду и записывала. Профессор говорил о сердечном ритме, о том, как сердце выбирает свой темп и не отклоняется от него. «Синусовый узел, говорил профессор, это естественный водитель ритма. Он задаёт темп. Шестидесят-восемьдесят ударов в минуту. Норма. Всё, что выше, тахикардия. Всё, что ниже, брадикардия. Сердце знает свой ритм. Проблема начинается, когда что-то его сбивает.»

Дина записала: «Синусовый узел. Водитель ритма. Норма 60-80. Сбивается внешним воздействием.»

Она подумала: что может сбить ритм? Травма. Стресс. Температура. Лихорадка. Адреналин. Она записала «адреналин» и подчеркнула два раза. Потом зачеркнула. Это была не тема лекции. Это было что-то другое.

Девушка в белом халате, которая смотрит вверх. Линии были точными. Лицо не было видно, только силуэт. Но Дина знала, что это она. По тому, как рука держала ручку. Два пальца, прижатые друг к другу. Она всегда так держала ручку. И он это заметил.

Она сложила рисунок вчетверо и положила в карман джинсов. Потом спустилась в холл и вышла на улицу. Было холодно. Термометр на здании показывал четыре градуса. Дина не чувствовала холода. Она шла к метро и думала о том, что тридцать семь и два не норма. Но ей не хотелось, чтобы это прошло.

Глава 5

Тео выписали через два дня. Дина работала в ту ночь, когда он уходил. Она увидела его в холле: он стоял у выхода, в той же серой куртке с зашитым рукавом, с блокнотом в руке. Он не

выглядел как человек, который попал в аварию. Он выглядел как человек, который собирается войти.

Она прошла мимо. Он повернулся.

— Дина, — отозвался Тео.

Она остановилась. Пациенты не должны знать имён медсестёр. Имя на бейдже, но они редко его читают. Она повернулась.

— Да?

— Я хотел сказать спасибо. За то, что проверяли мне температуру.

— Это моя работа, — промолвила Дина.

— Я знаю. Но вы делали это так, будто это не просто работа.

Дина не ответила. Она не знала, что он имеет в виду. Она просто измеряла температуру. Термометр, писк, запись. Всё.

— И ещё, — промолвил Тео. — Вы не смотрели вверх. Ни разу за всё время, пока я был здесь. Вы смотрели только прямо. Я нарисовал вас так, будто вы смотрите вверх, потому что мне хотелось бы это увидеть.

Дина молчала.

— Я оставил рисунок в палате, — проговорил Тео. — На подоконнике. Если хотите, заберите. Если нет, выбросят.

Он кивнул и вышел. Двери закрылись. Дина стояла в холле и смотрела на его спину, которая удалялась за стеклом. Потом она пошла наверх, в палату, и забрала рисунок.

Продолжение следует...